

К 50-ЛЕТИЮ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГАЛИИ ИМАШЕВОЙ

НЕТУСКНЕЮЩИЕ КРАСКИ

НИКОГДА не считал себя знатоком театральной живописи. Задачу художника-оформителя видел прежде всего именно в оформлении, то есть создании такого сценического макета, который бы наиболее точно отражал замысел автора, его образную суть. Развернутая метафора такого исполнения казалась мне высшим проявлением оформительского мастерства. Удивлялся всякому неожиданному решению, вполне логично, казалось бы, считая это высоким проявлением художественной фантазии...

Не могу сейчас точно сказать, что и когда перевернуло мои представления о театральной живописи, но могу утверждать с уверенностью, что в это «что» входили работы Галии Шакировны Имашевой, ее эскизы к декорациям разных спектаклей, а также эскизы костюмов, которые, оказываясь, под рукой Мастера тоже могут становиться истинным проявлением искусства живописи.

Как замороженный, глядел я на эскизы художника к целому ряду спектаклей по пьесам Мустая Карима, забывав о том, что они — лишь первый образ, первоначальный контур будущего гиганта, которым заполнится пространство сцены и который введет нас не только в мир событий, но и в мир героев.

Но это — потом, потом!.. И еще неизвестно, как трансформируется и гипертеоретизируется этот целомудренный, неуловимо-царственный контур, обратится ли в лебедя из гадкого утенка, или пребудет лебедем в том гадком утенке, который, может быть, так и останется совершенством творческого воображения.

Искусствоведы обращают внимание на технику, которой пользуется художник, на то, какими живописными средствами достигается тот или иной световой эффект, какие тона — теплые или холодные, мягкие или жесткие — преобладают. Видимо, в этом профессиональном подходе к делу заложен свой смысл. Он как бы раскрывает «кухню» художника. Но я глубоко уверен, что тому, кто взирал на эскизы Галии Шакировны к спектаклям, совершенно необязательно знать, что, например,

выписано темперой, а что — акварелью. Это остается вне поля зрения. И даже не замысел пленяет зрителя, как бы замысловат и неожидан он ни был. Эти эскизы просто очаровывают, завораживают; щемящей и светлой грустью ли, радостью ли отдаются в душе. Они полны элегического лиризма, поэтического взгляда на мир — давно ушедший, но словно бы окружающий тебя, в котором и сам ты вдруг оказался.

Смотришь на две тонкие и такие беззащитные фигурки двух влюбленных («В ночь лунного затмения») и ощущаешь какую-то особенную нежность, столь непривычную в наш радио-нальный век. И способствует тому сама природа — яркий изумруд зелени в сиянии огромной, медного накала луны, и темно-лиловый абрис холмов, уходящих в ночную беспробудную мглу, и странные накрапы ночного неба, намекающие на бесконечность мироздания и мимолетность земного бытия... Какая же кроха времени, тем более — счастья достается на долю человеческого существа!.. Словом, я хочу сказать о философском решении, присущем художнику даже в таких маленьких по размеру, как бы мимолетно выплывающих работах. А, может быть, суть как раз в том, что они выплывали именно так?

Не слишком ли много говорю я сегодня об эскизах, забывав о самом авторе их, справляющем — шутка ли! — полвека своей творческой деятельности? Почему бы не вспомнить об отзывах художников и артистов, писателей и просто обыкновенных людей, любителей и ценителей искусства театра и живописи, о творчестве и личности Галии Шакировны? Ведь мне приходилось слышать их во множестве. Да дело в том, что для этого нужно написать книгу. И, может быть, не одну.

Пятьдесят лет непрерывного напряженного, неисто-

вимо талантливого деяния во имя искусства — это не просто необъятно много, это и подвиг в истинном смысле этого слова. Примем во внимание, что Имашева — первый профессиональный художник из женщин-башкирок. Примем также во внимание, что ее путь далеко не был усыпан розами, и еще неясно, роз на нем было больше или шипов.

Впрочем, книги такие написаны — монографии, вышедшие в центральном и Башкирском издательствах. И наверняка будут написаны еще.

А что касается эскизов... Думается мне, что именно в них в полной мере выразилась душа художника, сплав высочайшего профессионализма и глубоко национального мироощущения. Искренность ее таланта, помноженная на детскую восприимчивость.

В этот знаменательный день хочется мне сказать, как безмерно рад тому, что именно она, Галия Шакировна Имашева, народный художник РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР им. К. С. Станиславского, оформила два моих спектакля на сцене Башкирского ордена Трудового Красного Знамени академического театра драмы им. М. Гафури. Помню, как благожелательно и тактично советовалась она со мной, подхватывая и развивая даже самую робкую реплику, как расспрашивала меня о сути замысла, «сверхзадаче» и «сквозном действии». Может быть, действительно, это помогало ее воображению. А, может быть, и это скорее всего так, желала как бы сделать меня, пусть эфемерным, но все же создателем своего дела. И я это чту и принимаю за честь, памятуя, каких авторов художественно воплощала она на театральной сцене, силой кисти своей давая их произведениям новые воздушные пространства. И еще желаю этой в высшей степени скромной и одарен-

ной женщине многих сил и плодотворных деяний на будущее нашего искусства.

Взошла в Зауралье
С сибирской закваской,
Чтоб звонко кричали
И плакали краски —
Не то, чтоб на ржавом
Картоне настенном —
Чтоб плыли державно
На солнечной сцене!
И краски по миру
Моря расплескали.
И всюду без меры

Признание снискали.
Они осеняли,
Беря в свою раму,
И опер сиянье,
И трепетность драмы.
И вот, словно птицы,
Слетаются яро,
Чтоб вновь воплотиться
В лице юбиляра.
Тем краскам — полвека!
Но не потускнели
Их светлые веки.
Их звонкие трели.
Пусть блещет нетленно
Их яростный вызов —
На солнечной сцене,
На лунных эскизах!
Газим ШАФИКОВ.

НА СНИМКАХ: фрагменты декораций к спектаклям «Голубая шаль» К. Тинчурина; «Белая сирень» Н. Асанбаева.
Фото Р. КУДОЯРОВА.

ТАЙНА ТАЛАНТА

РАБОТЫ Галии Имашевой на выставке художников автономных республик РСФСР в Москве поразили меня возможностью театрального мастера существовать своими, казалось бы, сугубо утилитарными полотнами, выполненными для спектакля и о спектакле, — столь самостоятельно и оригинально.

Видимо, живописные работы Имашевой, такие театральные по духу, одновре-

менно и по форме, и по сути будто взлетевшие над постановкой, способные жить отдельно от нее, являясь не менее, а в ряде случаев и более интересными произведениями искусства, — научили меня в дальнейшем зорче смотреть на творчество других сценографов, искать в эскизах декораций не только согласие с режиссером, но собственный почерк художника.

Удивительно, но тогда, на Московской выставке 1971 года, я открыла для себя образ Башкирии, ее природы и людей, не столько в пейзажах и портретах, сколько в архитектурной керамике Тамары Нечаевой и театральной живописи Галии Имашевой. Делая скидку на то, что каждому человеку какие-то определенные художники всегда ближе других по незримым внутренним связям, все-таки в определении творчества Имашевой, у которой сегодня полувековой юбилей верного служения искусству, хотелось и на авторитет критиков. Ленинградский искусствовед Г. В. Николаева очень точно сказала в монографии о Галии Имашевой: «Башкирия — ее родина — определила характер дарования сценографа, она дала ей обостренное чувство цвета, праздничные и суровые краски, певучую пластику линий и объемов, широту и торжественность монументальных построений. Имашеву невозможно представить в другом городе, в другом театре, республике».

Оформляя спектакли по пьесам национальных драматургов, будь то Мажит Гафури, Мустай Карим или Назар Наджми, Асхат Мирзагитов, Имашева некоторые образы повторяет — горы, луна, юрты, кони, но в том, наверное, и состоит высота мастера, что один и те же предметы и цвета в зависимости от изображаемого времени, от содержания пьесы, от характера спектакля резко меняются как внешне, так — и это главное! — внутренне. Снажем, спокойно-праздничные юрты в первом действии «Нэркэс» по пьесе И. Юмагулова, создающие атмосферу ожидания радости, и остро очерченные силуэты юрт («В ночь лунного затмения»), а потом зловеще обнаженный остов одной из них в суде старейшин, когда становится страшно за любовь, за чистоту, за жизнь. Или мятушеся, рвущиеся в дикой необузданности кони на занавесе к «Салавату» М. Карима как символ любви к свободе и борьбы за нее, и вытянутые лошадиные черепа в оформлении того же спектакля «В ночь лунного затмения», когда они зна-

менуют собой не столько предмет старинного быта, якобы охранявший башкир от дурного глаза, сколько мрачную сторону веры в старинные обычаи, которая для героев трагедии оказалась роковой.

Так получилось, что сначала я увидела эскизы декораций «В ночь лунного затмения», а потом уже прочитала саму трагедию Мустая Карима. Не буду скрывать — прочитала потому, что очень уж необычными, содержащими в себе какую-то непостижимую тайну показались мне полотна Имашевой об этом спектакле. Пьеса мне очень понравилась, тем более что после ее прочтения в ней продолжала жить все та же неразгаданная тайна, которая почудилась в эскизах Галии Имашевой. Мрачные склоны в тревожном небе, оскалы лошадиных черепов на длинных шестах, фиолетовая чернота ночи — не знаю, не могу знать, из каких частей складывается художник то неразделимое целое, что живет в его рисунке, заставляя вновь и вновь удивляться, тревожиться, сопереживать. Это так же, как невозможно понять, каким именно словом, выражением или ритмом слов в пьесе заставил драматург трепетать твоё сердце.

Много работ Галии Шакировны Имашевой довелось увидеть прошедшим летом на ее персональной выставке в Московском театре сатиры, где гастролировал ее родной Башкирский академический театр драмы имени М. Гафури. И снова поразило ее собственное, ни на кого не похожее видение: будь то гущицы к центру лубочные маковки церквей, как бы замкнувшие собой узкий мирок героев пьесы А. Н. Островского «Грех да беда на кого не живет», или ломкие в неверном свете одинокого фонаря ветви деревьев, напоминающие смятенные души персонажей чеховского «Иванова». В любом самом маленьком ее эскизе проявляются личность художника, тайна таланта, сила которого в том, наверное, и состоит, что его хочется, но не дано разгадать. Просто пусть он живет и дарит нам возможность испытывать страдание и радость, боль и надежду, сомнение и счастье — всю сложную палитру человеческих чувств.

А. ДОКУЧАЕВА.

